

Про Сашку
ВАСИЛЬЕВА

Коллектив авторов
Про Сашку Васильева

«Пробел-2000»

2012

УДК 821.161.1.0-929 Васильев
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 6 Васильев А.

Коллектив авторов

Про Сашку Васильева / Коллектив авторов — «Пробел-2000»,
2012

ISBN 978-5-98604-321-0

Александр Георгиевич Васильев (1939-1993) — один из «столпов»
московской богемы 60-80-х годов XX века. В книгу вошли воспоминания об
Александре Георгиевиче Васильеве его друзей.

УДК 821.161.1.0-929 Васильев
ББК 83.3 (2Рос=Рус) 6 Васильев А.

ISBN 978-5-98604-321-0

© Коллектив авторов, 2012
© Пробел-2000, 2012

Содержание

Кем это сказано? может быть, мной?	5
От издателя	6
Наталья Трауберг	8
Шушка[1]	9
Елена Мурина	12
Юлиан (Юлька) Жеймо	18
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Про Сашку Васильева

Как же объяснить, хотя бы выразить, чем хорош мой бедный крестник?

Н.Л. Трауберг

И видит Бог, история русской культуры без него как-то не полна.
Томас Венцлова

Кем это сказано? может быть, мной?

«...Главным классом в обществе товарного производства является так называемая «творческая элита», а не «пролетариат». Впрочем, в буржуазном обществе оба они, так сказать, страдают: рабочий класс эксплуатируется, а творческая элита маргинализируется. Тем не менее, именно последняя, представленная богемой, есть единственно революционная часть общества. Только богема может уничтожить деление времени на «рабочее» и «свободное». Причем как первое, так и второе является «пустым». Время отдыха имеет такое же качество, как и рабочее время, скорее – имеет то же отсутствие качества. Досуг есть такое же надувательство, что и труд. Таким образом, «свободное использование времени» есть главный способ и инструмент революционной практики...»

От издателя

Саша Васильев...

Ото всех я слышал про него, а сам ни разу не видел – до мая 1990 года.

Похороны Венедикта Ерофеева.

Отпевание в храме Ризоположения на Донской улице.

В углу церковного двора, у пирамиды из нескольких ящиков портвейна, – человек в белом кителе с золотыми эполетами – (адмиральском?), – распахнутом на голой груди, наливает всем жаждущим.

Сразу догадался – это Васильев.

После поминок, покуролесив, как положено, по ночной Москве, небольшой компанией (человек 5–6) заночевали в доме Татьяны Артемьевой-Кузьминой.

Утро.

Вдохновенное похмелье.

В «белой» гостиной, за белым роялем в ослепительном, белоснежном пеньюаре, красавица-хозяйка наигрывает Генделя.

Неожиданный звонок в дверь, и... входит Васильев. За ним – «оруженосец» с двумя тяжеленными сумками, погромыхивающими стеклом. Достает 3 бутылки коньяка и ставит на стол. Минут 10 общения.

Оценка ситуации – а она не критическая, – среди гостей двое молодых людей, не пьяных и при деньгах.

С согласия компании забирает 2 бутылки (где-то они гораздо нужнее) и отбывает – «обходить дозором владенья свои».

Впечатление – высокий полёт, высший пилотаж!

Алексей Плигин

Наталья Трауберг 1928–2009

Переводчик

Шушка¹

Шёл 1946 год, я кончала второй курс.

Весна была прекрасна, как в XII веке, которым мы тогда и занимались. Кенозис Петербурга особенно оттеняла самая ранняя листва. Второго апреля, до листвы, я испытала то крайне животворящее чувство, о котором так замечательно написала Алла Калмыкова в 3-м номере. Длилось оно ровно четыре года, а снится мне – и теперь.

Ещё до весны и, тем более, листвы к нам переехала Марья Петровна, моя бабушка. Оккупацию она провела на Украине, до встречи с нами дедушка не дожил (разрыв сердца), а комнату она пока что потеряла. Я помню, как встречала её в феврале и как, почти сразу, хотя – дома, она стала спрашивать меня, читала ли я Потебню и, кажется, Шахматова. Вот она, учительница словесности! И ведь с 1918 года не преподавала – не могла в безбожной школе.

Словом, бабушка переехала и вскоре подружилась с тёщей Георгия Васильева («Чапаев»), бабой Лизой. У той был ещё некрещёный внук шести с лишним лет. Добрая, весёлая и прелестная Елена Ивановна, его мама, в Бога отчасти верила, но в церковь не ходила. Баба Лиза с моей бабушкой договорились крестить младенца Александра. Почему крёстной выбрали меня, ещё не дожившую до восемнадцати лет, просто не знаю.

Пошли не «к нам», в Князь-Владимирский собор у Тучкова моста, а «к Пантелеймону», причины тоже не знаю; неужели решили, что, чем дальше, тем безопаснее? Крёстного хотели найти, но оказалось, что (кроме Г. Н., то есть родного отца) крещёных мужчин двое – Москвин и Черкасов. То есть не просто крещёных, а ещё и таких, которым можно довериться. Но всё же воздержались.

¹ Из книги: Наталья Траубегр. Сама жизнь». – Спб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2008 г.

Пошли; я порхала от радости и гордости, Шушка вряд ли что-то понял. Нас угостили опасной советской газировкой, и я стала мечтать, как буду исключительно хорошей крёстной.

Однако баба Лиза резонно воспитывала его сама, сочетая полное попустительство с благочестивыми назиданиями. Нет, она не была служанкой двух господ. В ней чувствовалась подруга меньшевичек (скажем, она курила), а так, бывшая жена хирурга, любительница Лескова и, как ни странно, Хармса, она была просто диккенсовской старушкой (моложе нынешней меня, это уж точно!). Марья Петровна, нежно её полюбившая, всё-таки поджималась, когда она рассказывала при Шушке, какие он сочинил стихи. Одни я помню:

Ах, как неловки
Божьи коровки!
То ли дело муравьи
Или двуутробки.

Внезапно скончался Георгий Николаевич, и Елена Ивановна, Шушка, баба Лиза уехали в родную им Москву. Бывая там, я бывала и у них, но вряд ли духовно влияла на крестника. Елена Ивановна стала печатать на машинке; позже это был и самиздат. Она снова вышла замуж, но, после долгих объяснений, разошлась с мужем-композитором. Повторялось это три раза. Она очень хотела быть счастливой.

Томас Венцлова говорил о ней на своём вечере в музее Ахматовой: «Анну Андреевну Ахматову я встретил впервые в начале 60-х годов, то есть очень поздно. Жил я тогда в Москве, снимал комнату у замечательной по-своему женщины, ныне уже покойной, – Елены Ивановны Васильевой. О ней можно было бы долго и отдельно рассказывать. Она подрабатывала тем, что перепечатывала самиздат – не только самиздат, но, в частности, и самиздат. Однажды она по просьбе Анны Андреевны перепечатала её статью “Пушкин и Невское взморье”, и я должен был отнести этот текст автору».

В комментариях к той же книге О. Е. Рубинчик пишет: «Отдельнова-Васильева Елена Ивановна (около 1912 – 1988 или 1989) – по образованию юрист, но по специальности почти не работала. Жена поэта М.А. Светлова, затем – режиссёра, сценариста Г.Н. Васильева, одного из создателей фильма “Чапаев”» (1934). По словам Т. Венцловы, «Е.И. Васильева была, естественно, одной из “красавиц тогдашних”». Сын её Александр Георгиевич Васильев (1939–1993) был известным подпольным книготорговцем, поэтому их квартира в Москве, на Солянке (пер. Архипова), была центром притяжения интеллигенции».

И до весны 53-го, и позже с ней дружили протодиссиденты, литовцы и прочие гады. Мы называли друг друга «кума» и очень радовались вместе.

Шушка тем временем стал Сашкой, в Институте кино не удержался и стал на рубеже 60-х могучим бизнесменом (специальность – подпольные художники). Комната его и кухня буквально кишели ими, равно как и подпольными поэтами. Помню Пятницкого, Зверева, Холина, кажется – Сапгира и практически весь состав гинзбургского «Синтаксиса». Пили немало; наркоты я не заметила, хотя знакомые психиатры давали кому-то первитин («винт»).

Когда родилась Мария, моя дочь, и у родителей стало уж очень трудно, мы с ней и с мужем сняли у Васильевых комнату. Бабы Лизы уже не было; в 1951-м, когда я у них гостила, – была, а в 1961-м, когда сняли, – не было. Господи, как незаметно люди уходят! Мне почему-то кажется, что в мае 53-го, когда наша семья переехала в Москву, её тоже не было; иначе она ходила бы к бабушке.

Пожили мы там если месяц, и то спасибо. Леночка спала на кухне, что не мешало artist'аМ кишеть, спала и у нас, то есть – в своей комнате, но моё мракобесное сердце всё-таки не выдержало. Добил меня рассказ одного из гостей о том, как он ел живого зайца. Врал, наверное, но ведь счёл нужным! А ещё говорят, «это» началось после советской власти. О, Господи!

Сашка неоднократно женился, Леночка их всех любила. Вообще, весёлость заменяла ей терпение. Из жён выделилась художница Шаура, башкирка из прославленной там интеллигентной семьи. Родилась Настя. Когда Сашка ещё на ком-то женился (а может быть, позже), Леночка стала жить с Шаурой. Когда Леночку хватил инсульт и она навсегда лишилась речи, Шаура ухаживала за ней до самого конца.

Ещё до этого умерла моя бабушка. Было ей 94 года. Хоронить её пришли – точнее, нести – Сашка, Саша Юликов и Коля Котрелёв. О том, как мы с Колей разбирали её шкаф, расскажу, Бог даст, особо.

Сашка был с извозчицкой бородой. По дороге он объяснял мне, что «успенье» происходит от слова «успеть». И по малодушию, и по милосердию (?), и потому, что он лыка не вязал, я не возражала.

На похоронах Леночки он был ещё пьянее и прямо у церкви требовал, чтобы хоронили её на Новодевичьем, где лежит его покойный отец. Моё духовное водительство, как и во многих случаях, сводилось к жалости и молитве. Чуть позже, в самые скудные годы, Шаура дотащила его до врачей, и печени (или поджелудочной) у него не оказалось. Дня три он полежал под капельницами и тихо уснул. Тогда Шаура созвала всех нас.

Ничего подобного я никогда не видела. Сперва сотни людей пили в специально снятой пельменной. Потом уже человек тридцать повели в какой-то болгарский центр, где, видимо, окопались Сашкины покупатели. Там, среди фресок, мы ели икру и много другого.

Нет, описать я это не берусь. Сейчас он был бы миллионером, не в том суть дела. Посмотрите, какое у него лицо. Видит Бог, я не считаю (если когда и считала), что нетварная бездна хороша, поскольку туда можно нырнуть при страшном режиме. Я бы и сейчас не вынесла рассказа о зайце. Как же объяснить, хотя бы выразить, чем хорош мой бедный крестник?

Елена Мурина

Искусствовед. Живет в Москве

Мы познакомились с Еленой Ивановной у наших общих друзей – Сусанны Ильиничны Раппопорт и Владимира Исааковича Финкельштейна – где-то в начале 50-х годов.

Они были врачами-психиатрами, людьми во многих отношениях замечательными и, главное, необычайной доброты и готовности помогать не только друзьям и знакомым, но и друзьям друзей и знакомым знакомых.

Как раз в это время Елена Ивановна очень часто у них бывала, так как у неё возникли сложности в отношениях с её тогдашним мужем Е.Рыссом и – одновременно – с Сашей. Если я не ошибаюсь, Сашу сначала «прорабатывали» за диплом (?) или курсовую работу об Ингмаре Бергмане. Наверное, требовалось изменить тему, но он не соглашался, и тогда встал вопрос об исключении из ВГИКа. Несмотря на хлопоты таких, как всемогущий Иван Пырьев (его жена Марина Ладынина была близкой подругой Елены Ивановны) и других «чинов» за сына Георгия Васильева, Саша был из института отчислен. И, конечно, советы и помощь Сусанны Ильиничны Елене Ивановне были необходимы. По-моему, Сусанна Ильинична давала Саше какие-то справки о его «реактивном состоянии», чтобы оградить от обвинений в тунеядстве и вообще как-то уберечь.

Мне Елена Ивановна сразу же очень понравилась. Несмотря на все эти переживания и страхи за сына, она не раскисала и не теряла своего несокрушимого юмора, который, как я позднее узнала, был ей присущ при любых обстоятельствах. Елена Ивановна была умна и остра на язык, но, конечно, не давала себе труда «умничать» на интеллектуальные темы. Была изумительным рассказчиком – весёлым, остроумным, совершенно безжалостным к себе. Вообще с ней было легко, и она была жизнерадостным человеком. В сочетании с привлекательной внешностью эти её достоинства придавали ей неотразимое обаяние. Елена Ивановна не была «породистой» красавицей или какой-нибудь роковой belle fame – скорее, по-русски миловидной: лицо круглое, крепкое, свежее; голубые глазки, аккуратный носик, красивый пухлый рот. Но вот это сочетание простой прелести с остроумием и умом составляло её незаурядное очарование для всех – и, конечно, для мужчин. Она имела у них очень большой успех.

Елена Ивановна

Романов было много – кто только за ней не ухаживал. Вплоть до Михаила Зощенко, находившегося в самом расцвете своей славы. Правда, Елена Ивановна говорила, что он рассчитывал на молниеносный успех, а она ждала цветов, объяснений и тому подобного... Так что роман не получился – о чём она, по её словам, очень жалела. По рассказам Елены Ивановны, она приехала в 20-е годы в Москву, как многие девушки из провинции, в поисках «личного счастья», которое она понимала как семейное – во главе с мужем-опорой. И, как я думаю, этот идеал она сохраняла долгие годы. Но в конце концов он так и не осуществился.

Про свою семью Елена Ивановна никогда не рассказывала, только знаю я, что она приехала из Курска с другом детства Валечкой Андриевичем – художником, с которым они очень дружили всю жизнь. Он был иллюстратором детских книг, театральным художником, прославился куклами для знаменитого в те годы спектакля «Обыкновенный концерт» в театре С. Образцова.

Елена Ивановна была юристом по образованию, но служебная карьера её совершенно не интересовала. К тому же она очень хорошо понимала, что такое юриспруденция в советские времена. Во всяком случае, в Москве очень скоро началась её женская «карьерка». Она вышла замуж за поэта Михаила Светлова (до того у неё был муж в Курске, которого она оставила). И это замужество, очевидно, ввело её в круг советской творческой элиты, разочарование в которой пришло позднее, в зрелые годы, после разных «осечек», начавшихся со Светлова. Была у Елены Ивановны одна настоящая удача, но и тут судьба оказалась к ней неблагоприятной. Елена Ивановна вышла замуж незадолго до войны за Георгия Николаевича Васильева – знаменитого кинорежиссёра, одного из «братьев» Васильевых, создателя прославленного «Чапаева». Родился сын Саша. Елена Ивановна стала одной из дам советского высшего света. Георгий Николаевич умер, кажется, в конце войны.

Но и об этом счастливом браке Елена Ивановна вспоминала в присущем ей юмористическом ключе. Например: они только поженились с Георгием Васильевым. Это был своего рода пик её женской жизни, потому что, можно сказать, «отхватила» первого мужчину Советского Союза. «Братья Васильевы» тогда были в большой славе. Георгий Николаевич к тому же был очень интересный мужчина – и со славой, с какими-то жизненными средствами, востребованный... В общем, Елена Ивановна считала, что ей невероятно повезло, незаслуженно даже. Жили молодожёны в Ленинграде, в гостинице «Астория». Вдруг однажды – стук в дверь. Георгия Николаевича не было, Елена Ивановна открывает – стоит неопишуемой красоты женщина. Это была Ирина Щёголева – знаменитая в 30-е годы питерская красавица, вдова пушкиниста Павла Елисеевича Щёголева, потом жена художника Натана Альтмана. Действительно, настоящая красавица – высокая, статная. Я её знала уже пожилой, и всё равно она оставалась неотразимой. У неё была сестра – Мария, тоже замечательная красавица, та погибла в Бутырке. Ирина как-то уцелела. Они были невероятно хороши – эти знаменитые сёстры, почему и стали прототипами героинь в трилогии Алексея Толстого «Хождение по мукам». Елена Ивановна говорит: «Я открыла дверь... и думаю: “Ну, всё! Сейчас придёт Георгий, увидит эту женщину, плюнет на меня, бросит и женится на ней“». Однако так не случилось: и Георгий Николаевич, видно, любил Елену Ивановну, да и Щёголева как-то совершенно не претендовала на него, будучи женой Альтмана, – и пришла она знакомиться с женой Георгия. В результате они с Еленой Ивановной подружились и стали близкими подругами.

А вот другой эпизод. Елена Ивановна всю жизнь мечтала о массаже. И вот, выйдя замуж за Георгия Васильева и став дамой со средствами, она, наконец, могла себе это позволить. Вместе с мужем, которому заказали тогда ленту об обороне Царицына, она отправилась в Сталинград (советское название Царицына) на съёмки грандиозной киноэпопеи из времён гражданской войны. Васильевы поселились в шикарном гостиничном номере, и... «Вот, наконец. Исполнилась моя мечта, – рассказывала Елена Ивановна, – нашла я массажистку, и мне делают массаж всего тела. Я лежу, блаженствую. И вдруг слышу – дело было летом – за окном репродукторы что-то вещают, какой-то шум... что-то происходит. Выглядываю в окно и узнаю, что выступает Молотов с объявлением о начале войны...»

На этом и кончилась шикарная жизнь Елены Ивановны.

Этот её юмор спасал от драматических переживаний. Очень смешно она как-то рассказывала о своём романе с композитором Виктором Белым.

Елена Ивановна была тогда свободна и познакомилась с ним где-то в гостях (Белый в ту пору был очень известным песенником – может, он писал и серьёзную музыку, но её как-то не исполняли). «Это была любовь с первого взгляда! Мой секс-тип – морской конёк», – говорила Елена Ивановна. Пара выглядела весьма колоритно: Белый, типичный еврей, – и эдакая настоящая «русская милашка». В общем, они влюбились друг в друга, на следующий же день произошёл какой-то решительный телефонный разговор, Белый (он был женат) переехал к Елене Ивановне... Всё происходило молниеносно. И вот, известный композитор, ему капают всё время авторские деньги за исполнение его произведений... всё замечательно. Бац! 48-й год. Постановление о формализме в музыке, под которое заодно подгребли и всех евреев... Никаких гонораров, никаких заказов, нигде песен Белого не исполняют... И опять всё кончилось. «Началась совсем другая жизнь. Белый в депрессии лежал целыми днями на диване и спасался от мрачных мыслей, решая шахматные задачки. А я, надев свой прокурорский мундир, иду каждый день на службу в районную прокуратуру, которую ненавижу». Потом они расстались, конечно.

Елена Ивановна и Евгений Рысс

Когда я стала заходить к Елене Ивановне на улицу Архипова, Андрей Волконский снимал у неё Сашину комнату – тот жил где-то в другом месте. Андрей обретался там с Люсей, которая раньше была Сашкиной женой и уже с ним развелась, а теперь стала подругой Андрея, с которым я очень дружила, и потому часто там бывала. Елена Ивановна была уже на пенсии и зарабатывала машинописью. Жила уже одна, но не опускалась. Выглядела прекрасно – без морщин (сделала подтяжку), модница, но со вкусом.

Когда я с ней познакомилась, я вспомнила рассказ моей университетской подруги о её двоюродной тётке – (как потом оказалось, Елене Ивановне), – поразившей её тем, что она была озабочена отсутствием по крайней мере 10 платьев, без которых она не могла ехать на курорт с каким-то ухажёром. (Дело было вскоре после войны, и у нас, как и у большинства, было по одному платью на все случаи жизни – правда, мы были очень молоды.)

Но с «тряпками» у нас, в Стране Советов, всегда были проблемы – только уродливый «Москвошвей»...

Наша общая подруга Сусанна Ильинична, у которой был огромный круг общения, нашла выход из положения. Знакомые приносили к Сусанне Ильиничне свои вещи и либо перепродавали их друг другу, либо ими менялись. Например, Елена Ивановна что-нибудь поносит, ей надоест, она принесёт, а кто-нибудь придёт и купит. Вера Николаевна Трауберг так же делала с нарядами своими и дочери Наташи. И многие другие. Вещи должны были быть заграничные, ничего советского категорически не принималось. (Так что я тоже иной раз

могла «пожиться» и приодеться.) Елена Ивановна в этом «переделе собственности» весьма активно участвовала.

Она всегда была одета хорошо, с большим вкусом, без всякой пошлости и очень за собой следила. Как-то для того, чтобы похудеть, она купила какой-то резиновый костюм – вроде водолазного – и ходила в нём, потому что в резине потеешь и якобы от этого худеешь. Женщиной оставалась до конца.

Елена Ивановна была очень щедрым на общение человеком, причём в эти годы очень демократичным. Вокруг неё всегда клубился какой-то народ. Тут были и старые подруги, например, Марина Ладынина, и какие-то неприкаянные девчонки, и Сашкины друзья... Бывало, Елена Ивановна сидит за пишущей машинкой, а уже собирается компания, намечается веселье. Она всегда была готова к нему присоединиться, но только окончив обещанную кому-то работу. В этом она была очень пунктуальна.

Помню, как осенью 66-го года мы – Ангелина Васильевна Фальк, Саша Пастернак из Питера и я – делали первую выставку Фалька. Она получилась очень хорошей, весь этаж Выставочного зала МОСХа на Беговой был завешен фальковскими работами (на выставку, когда она открылась, стояли километровые очереди). Закончив делать экспозицию, мы ощутили невероятный подъём, и нам хотелось как-то это отметить, достойно завершить такой день. И я сказала: «Пошли к Елене Ивановне!» Мы позвонили ей, купили выпить-закусить, пришли. Там были ещё какие-то люди, и началась гульба... Елена Ивановна, красавица Аэлита Кожина, Саша Пастернак, мой муж Дима Сарабьянов, я – мы плясали как сумасшедшие... (Благо комнаты в Васильевской квартире были довольно большими, хотя и не квадратными, а длинными. У Елены Ивановны, правда, стояла очень красивая старинная мебель, а в Сашкиной было пусто, и потому танцевали мы там, тем более что и Андрея Волконского тогда не было.)

В общем, жизнь в доме Елены Ивановны кипела, особенно когда там жили Андрей с Люсей, потому что к Андрею всё время приходили то коллеги-музыканты, то друзья, то поклонники, то иностранцы – после концерта «Мадригала» все шли к нему. Елена Ивановна Андрея очень любила. К тому времени её сверстники уже как-то поутихли – кто умер, кто

болел, кто не выходил из дому, – и она была окружена молодыми людьми. Да и сама она обладала всегда молодой душой, и к ней все очень тянулись, потому что с ней было по-настоящему интересно.

Надо сказать, что она любила и умела выпить, оставаясь всегда в форме, – ну, разумеется, становясь всё веселей.

Когда мы познакомились, сын Елены Ивановны Саша был совсем мальчишкой. Он довольно долго, пока не начал сильно пить, был очень моложав: розовый, круглолицый, с голубыми глазами и русыми волосами, милостивый – в общем, очень похожий на мать. Елена Ивановна его обожала, но у них всегда были довольно тяжёлые отношения. С одной стороны, она очень переживала все его истории. С другой стороны, он тоже, конечно, насмотрелся много чего, потому что смена мужчин в доме так или иначе сказывается на детях.

Сашу я видела редко: когда я бывала на улице Архипова, он там не жил, а до того мы встречались с Еленой Ивановной в других домах, чаще всего у Сусанны Ильиничны.

Саша тогда уже начал выпивать и торговать книгами и иконами, что преследовалось законом.

Однажды позвонил нам: «Можно я посмотрю ваши книги?» У нас дома в коридоре шкаф стоял, набитый книжками, и Саша долго копался, надеялся, что найдёт что-нибудь на продажу, – но, кажется, ничего подходящего не отыскал.

У Елены Ивановны книг было мало, потому что, по её словам, Саша всё распродал.

Саша в каком-то смысле – трагическая фигура. Таких ребят было целое поколение. Некоторые как-то вырвались, как, например, Коля Котрелёв, а в основном они все пропали. Среди них были поэты, художники, может быть, не очень яркого таланта, но одарённые, и жили они так, как будто советской власти нет. Работали дворниками, кочегарами, сторожами... Некоторые занимались фарцовкой, продажей книг, икон... И Саша так жил.

Выхода не было, потому что они сформировались вне советской идеологии и не могли вписаться в ситуацию, да и не хотели. Путь для бескомпромиссного существования и творчества был закрыт. Только самые выдающиеся личности из этого поколения выстояли.

Наше общение с Еленой Ивановной продолжалось почти до самой её смерти, вернее, до того момента, когда её забрала к себе Шаура – мать Сашинной дочки Насти, которую Елена Ивановна очень любила.

После инсульта, случившегося у Елены Ивановны, мы с моей подругой Верой Кукиной (журналисткой, тоже очень дружившей с Еленой Ивановной) навещали её. Елена Ивановна ходила, но не могла говорить. Это было ужасно, потому что она всё понимала (голова была совершенно ясной), а говорить не могла. Пыталась учиться говорить и писать, но у неё не очень это получалось. Так жалко было! У Елены Ивановны язык был прекрасный – сочная, настоящая русская речь. Ну, и поскольку жила

Елена Ивановна одна в квартирке на Киевской, а Саша к ней лишь заходил, и толку от него было мало, то Шаура, уже разведённая с Сашей, забрала Елену Ивановну к себе. Через некоторое время Елена Ивановна умерла.

Я люблю рассказывать о Елене Ивановне – “вдове Чапаева”, как мы её в шутку называли. (Она знала и посмеивалась.)

Она не случайный человек, не такая, каких много.

февраль – апрель 2012 года,
Москва

Юлиан (Юлька) Жеймо

Кинооператор. Живёт в Варшаве

Меня зовут Юлиан, но никто никогда так меня не называл. С раннего детства и по сей день мои московские друзья зовут меня Юлькой. Так и с Васильевым: официально он был Александром Георгиевичем, друзья звали его Сашей, и только 4 человека называли его Шушкой: его мама Елена Ивановна, бабушка Елизавета Ильинична, моя мама и я. До сих пор не знаю почему.

С Шушкой мы знакомы (теоретически) с рождения. Наши семьи жили в одном доме и дружили ещё с 30-х годов. Потом была война, и с Шушкой я встретился снова только в 45-м году. Наш «ленфильмовский» дом построили незадолго до начала войны на Малой Посадской улице (под № 4а) в Ленинграде (потом она стала называться улицей Братьев Васильевых, а теперь снова Малая Посадская), как раз напротив киностудии «Ленфильм», и заселён он был исключительно работниками студии. Мы жили в бельэтаже, напротив обитал режиссёр Файнциммер с сыном Лёнкой, на 2 этаже – Козинцевы, на 4 – Васильевы, на 5 – режиссёр Гиндин с сыном Серёгой, а на 6 – звукооператор Арнольд (Нолик) Шаргородский с сыном Сашей (Шариком). В соседнем подъезде жили Трауберги, над ними – звукооператор Левитин с детьми – Наташей и Гришей, – художник Суворов, прочих сейчас уже не вспомню. Но, несмотря на такое соседство, Шушке категорически было запрещено общаться с «дворовыми» детьми. Так что в какой-то момент я начал играть роль посредника: Шушке докладывал о том, что происходит во дворе, а во дворе рассказывал про Шушку. Зимой мы ходили с Елизаветой Ильиничной – Шушкиной бабушкой – в парк им. Ленина кататься на салазках («санки» тогда не говорили).

В школу обычно отводила нас моя старшая сестра Яничка. Родители позволяли Шушке ходить в гости только ко мне, а я часто бывал у Васильевых. Более того, мне, единственному, Георгий Васильев – или Жорж, как его называли друзья, – разрешал входить в свой кабинет, когда он готовился к очередной поездке на охоту. Жорж был страстным охотником, владельцем коллекции прекрасных ружей, и сам всегда набивал для них патроны. А я сидел в углу и часами наблюдал за этой подготовкой. Кабинет Жоржа украшала огромная, замечательная библиотека (до сих пор не пойму, как она уцелела во время войны), но меня тогда особенно интересовало великолепное издание «Жизни животных» А. Брэма, и Жорж позволял мне рассматривать многочисленные картинки с изображениями зверей. (После смерти Жоржа Елена Ивановна вывезла библиотеку в Москву, а там Шушка постепенно ею «распорядился» – от огромной библиотеки не осталось и следа. Последней исчезла «Жизнь животных».)

Шушкин отец, в обычной жизни очень спокойный, скромный человек, «на людях» держался аристократом: писанный красавец, всегда изысканно одетый и прекрасно воспитанный. (Считалось, что Жорж Васильев был в Ленинграде одним из трёх самых красивых мужчин. Кем были 2 остальных, моя мама мне так никогда и не рассказала.) Все, кто смотрел фильм «Чапаев», могли видеть его в двух коротеньких эпизодах: когда он идёт с трубкой в зубах во главе солдат во время «психической атаки» белых на чапаевцев и когда играет в покер. Это его единственные роли в кино – он не блистал актерским талантом. Жорж Васильев был заядлым покеристом, как, впрочем, и моя мама Янина Жеймо.

Она родилась в цирковой семье, главой которой был мой прадед Вацлав. У него были двое сыновей: Жозеф-Болеслав и Павел, а у Жозефа-Болеслава – 4 дочери: Елена, Янина, Вирджиния и Августина. Это был старинный польский дворянский род, что не мешало семей-

ству Жеймо в карьере цирковых артистов. Цирк пропутешествовал из польского Волковыска до забайкальской Читы. Как все в цирке, члены семьи Жеймо были универсальны: Павел – клоун, «рыжий»; Жозеф и Вацлав – мультиинструменталисты, Эля и Яня выступали как танцовщицы, вольтижёрки-наездницы (это называлось в цирке джигитовкой). Знаменитым номером семейства Жеймо был «Полёт под куполом цирка 6 красных чертей». Но детям категорически запрещалось участие в этом опасном номере. Янина Жеймо впервые вышла на арену цирка с огромным барабаном в 2 года и 8 месяцев (когда Янине Жеймо исполнилось 28 лет, в ленинградском Доме кино торжественно отмечалось 25-летие её творческой деятельности). Вообще мама с детства была очень дисциплинирована и отличалась настойчивостью и строгостью характера. Шутка, по натуре застенчивый и робкий, здорово её побаивался. Васильевы часто присылали Шутку к нам, когда он не хотел есть. Моя мама, строго взглянув на него, тихо говорила: «Шутка, ешь!», и Шутка поедал всё, от чего отказывался дома.

В детстве я часто болел, и однажды мама, чтобы меня развлечь, научила играть в покер (после войны всем как-то было не до покера, а маме, азартной покеристке, этого здорово не хватало, и играли мы с ней исключительно на спички). Впоследствии это мне очень пригодилось, поскольку я, приехав в Москву, научил играть Шушку, чем завоевал его глубокое уважение. После смерти Жоржа Васильева Елена Ивановна, Елизавета Ильинична и Шушка переехали в Москву. Моя мама после «Золушки» уже не снималась (в СССР началось «бескартинье», и для мамы больше не находилось ролей). Мамин третий муж, режиссёр польского происхождения Леонид (Леон) Жанно, тоже не мог найти работы в Ленинграде и уже года 2 трудился на московской студии «Совэкспорт-фильм», поскольку был полиглотом и в совершенстве владел многими европейскими языками. Жить «на два дома» становилось всё труднее, и мама решила перебраться в Москву. Но нашу роскошную ленинградскую квартиру с камином из белого итальянского мрамора очень долго не удавалось поменять на Москву. Сначала мы жили в гостинице «Москва», потом нас приютил Эраст Гарин (король из «Золушки»), потом мы жили в Даевом переулке, у композитора Бориса Чайковского. Из-за этих скитаний я вообще в третьем классе не ходил в школу, а занималась со мной моя сестра Янина Вторая, в то время студентка философского ф-та МГУ. У меня была масса свободного времени, и я постоянно бегал к Шушке, единственному, кого я тогда знал в Москве. Тогда-то я и научил его играть в покер, а взамен Шушка предложил мне вступить в его «банду». Оказалось, что «бандой» были... тряпичные куклы!!! Их возглавлял негр Магарани (тогда никто из нас не знал, что магарани – это титул жены индийского магараджи, а Шушке, очевидно, понравилось звучание этого слова). Магарани – сантиметров двадцати ростом, из чёрного сукна, с голубыми глазами из бисера и шевелюрой из обрезка каракуля – сшила Елизавета Ильинична. Ездил Магарани верхом на пластмассовом льве, купленном в Детском мире. Примкнув к «банде», я вынужден был потребовать у мамы, чтобы и она сшила мне куклу, Мама не отличалась умением рукодельничать, но Ковбой Джек у неё получился неплохо.

Он был, естественно, ниже Магарани, сантиметров в 15, но в шляпе и с двумя кольцами, вырезанными из жести консервной банки. Ездил Джек на пластмассовом коне, тоже купленном в Детском мире. И мустанг Джека, и лев Магарани прекрасно относились друг к другу. Остальными членами «банды» были Михась (Лев Львович Михалевский – кстати, его дед до революции был поваром в Кремле) со своим Пиратом и Юрка Оникин (Онька) – покровская шпана, но по отношению к нам очень милый парень (по крайней мере, так нам тогда казалось). Онька, у которого по бедности и общей неприютности не было своей куклы, командовал отрядом полицейских (шахматными фигурами), постоянно гонявшихся за бандой Магарани. А банда, естественно, грабила банки, которые помещались в ящиках старинного Васильевского буфета. Из ластика (резинки) мы вырезали штамп и напечатали массу долларов, исключительно в крупных купюрах – от ста тысяч и больше. «Банки» находились почему-то в диких делянках, окружённых горами, реками и каньонами, которыми были остатки старинной мебели семьи Васильевых. Убежищем банды был огромный платяной шкаф красного дерева, играющий роль пещеры. В полицейских Оньки мы стреляли бумажными «пулями» из резиновых рогаток, и Онька отвечал нам тем же. Естественно, полицейские расставлялись в самых видных местах и гибли каждый день десятками, тогда как Магарани и его банда искусно пряталась за креслами и книжками. Естественно, из-за меткой Онькиной стрельбы члены банды получали тяжёлые ранения, но на следующий день благополучно выздоравливали в шкафу, и всё начиналось сначала. В 1956 г. эта забава закончилась весьма символически. Шушка почти каждое

лето ездил с бабушкой в Курск, где жила её родня, а у Шушки – дружки. И вот он собрал всех наших кукол, бумажные миллионы, пластмассового льва и прочие атрибуты нашей деятельности, заколотил в фанерный ящик, привязал к нему камень и утопил на середине озера (или пруда, не знаю) – такой вот жест, ознаменовавший конец детства. Об этом эпизоде из жизни Александра Георгиевича Васильева знают очень немногие, всё хранилось в глубокой тайне. Но теперь мне кажется, что я могу эту тайну открыть.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.